

Глава 6. Птицы, змеи и родственники.

— Гарри? — Дадли с ошарашенным видом повторил мое движение. Из-под маски показалось его ошарашенное лицо со следами несомненной мыслительной деятельности. Внезапно оное лицо озарилось улыбкой. — Ну, я балбес! Какого же еще одержимого мог пригласить отец Себастьян! А свою подругу представишь?

— Разумеется, — кивнул я. — Моя подруга и соученица...

— Представляй тогда уж правильно — «невеста», — вмешалась в разговор Миа. — А то свои планы на меня уже всем озвучил, а все «подруга»... Правда, о моем согласии ты спросить как-то не удосужился... но я все равно согласна.

Осчастливленный такой выходкой, я схватил Миа в охапку, и крепко сжал. Честно говоря, хотелось не просто затискать эту милашку, но и взлететь с ней на руках. Но остатки здравого смысла подсказали, что демонстрировать ученику инквизиторов нарушение Статута и «Закона о разумном ограничении...» — не самая лучшая идея. Это при отце Себастьяне можно почти все — он-то понимает, что к тем «Темным силам», с которыми был заключен соответствующий договор, я отношусь весьма и весьма условно...

— Ну тогда, Дадли, это — моя невеста, умнейшая и красивейшая девушка в обитаемом космосе, Гермiona Грейнджер!

— Дадли Дурсль, — вежливо поклонился кузен. — Только... не объясните ли, как Вы вычислили, что я Вас опознал как колдунов? Маска...

— Маска хороша, слов нет, — ответила Миа. — А вот над ментальной защитой — еще работать и работать. Да и на уровне эмпатии ты просто открыт всем изменчивым ветрам!

— «Изменчивым ветрам»? — удивленно повторил Дадли. — А почему — «изменчивым»?

— Не обращай внимания, — ответила Миа. — Это я так... заговариваюсь немного.

Дадли отступил, видя нежелание девочки говорить на эту тему, но оговорка явно зацепила его. Теперь он будет «копать», и до чего-нибудь докопается. Как бы еще узнать результаты его трудов? Это же будет любопытно!

— Кстати, Гарри, — обратился ко мне кузен, — когда ты в прошлом году уехал с этими рыжими...

— Хм... — я вопросительно поднял бровь.

— Так вот... стоило машине скрыться, как к нам прилетела сова, и принесла извещение о том, что тебе вынесено предупреждение о незаконном использовании волшебства на каникулах. Ты не сказал, куда собираешься, так что мы просто не знали: как тебя известить...

— Ничего, — успокоил я кузена. — Так даже лучше получилось. На днях я загляну в гости и заберу это письмо.

— Хорошо, — радостно кивнул мой большой кузен, которого уже язык не повернулся бы назвать «жирным», и, тем более, «китенком». Похоже, суровый режим инквизиторской школы пошел ему на пользу.

— Кстати, — поинтересовался я. — А как получилось, что ты не пошел по силовому направлению, как большинство твоих одноклассников? Ведь, помнится, ты боксом увлекался...

— А вот в этом — виноват ты! — Радостно ткнул в меня пальцем Дадли.

— Я?! — Любопытно, очень любопытно...

— «Не имеет никакого значения — насколько быстро, сильно и умело ты можешь ударить, если ты не знаешь: кого надо бить и за что». Твои слова?

— Мои, — согласился я, вытащив из Кристального зала соответствующее воспоминание, признаться, изрядно там подзапылившееся. Все-таки для меня это был слишком незначительный эпизод, чтобы держать его на видном месте. — Но, все-таки и про боевку не забывай. Специализация хороша в Подземельях и драконах. В жизни этим лучше не слишком увлекаться... если, разумеется, рядом нет надежных друзей, способных прикрыть твои слабости... Да и если есть... Жизнь такова, что никогда не предскажешь — кого именно в нужный момент может не оказаться рядом.

— А я и не забываю! — Дадли расплылся в улыбке.

И в ту же секунду кулак кузена просвистел там, где только что была моя голова. Неплохо. Совсем не плохо. Хотя и недостаточно против оборотня. Все-таки я быс...

Следующий удар пришлось принимать на блок. Хоть Видящим Большой Дэ и не стал, но наработанный сенс помогал с большой вероятностью предсказывать следующее положение моей головы.

— Стоп-стоп! — в зале появился отец Себастьян. Интересно: насколько «неподалеку» проходят эти «дополнительные занятия», что он успел так быстро появиться? Или просчитал ход нашей встречи? Тогда — снимаю шляпу! — Раз уж вы, молодые люди, решили устроить спарринг, я хотел бы, чтобы он проходил в более публичном формате. Ученикам конгрегации* было бы полезно знать, чего стоит опасаться в бою с одержимым магом!

/*Прим. автора: напомним, современное название инквизиции — Конгрегация доктрины веры*/

— Хорошо! — в голосе проявляется рычание, а глаза вспыхивают пламенем Удуна. — Вот только сомневаюсь, чтобы это было очень уж полезно: мы — слишком разные...

— Я знаю, — отец Себастьян только спокойно кивает в ответ на представление «демон захватывает тело одержимого». Все-таки комедия здесь разыгрывается только для одного зрителя. Я знаю. Но даже небольшой пример — это намного лучше, чем тысяча слов. И, надеюсь, тот, что вы тут устроили — не повторится, пока я отойду за остальными учениками?

— Нет, конечно, — С улыбкой отвечаю я, возвращаясь в более человеческую форму. — Это даже дракой не было. Просто Большой Дэ показывал мне, что не совсем забросил занятия боксом.

— Хорошо, — по-отечески улыбнулся Инквизитор. — Я вам верю. — Ага! И совсем-совсем не наблюдал за нами. Верю. Вот взгляну в эти добрые серые глаза — и сразу верю. — Так что я пошел... Только маски верните на место. Боюсь, среди учеников присутствует изрядная доля настоящих фанатиков. Ведь даже они могут принести пользу Церкви и людям.

Вместо ответа я опускаю маску, и это движение тут же повторяют Миа и Дадли. Отец Себастьян с улыбкой кивает нам, и скрывается за дверью. Возвращается он со всей толпой

учеников.

— А почему это Да... Двадцать первый выйдет на спарринг? – Возмущается парнишка с двумя единицами на балахоне. – Я тоже опознал одержимого, а на занятиях рукопашным боем я всегда был лучше него. И в священном песнопении...

Боевик и ария... но дурак. Кто же это засвечивает козыри ДО схватки? Отец Себастьян аж покачал головой, при виде такой гордыни. Думаю, парню светят многие часы покаянных молитв... и занятий по тактике.

— Со смирением готов уступить высокую честь Джо... Одиннадцатому.

Вот только в эмпатическом зрении Дадли аж светится предвкушением, и вряд ли отец Себастьян этого не заметил. Так что «меры педагогического воздействия» ждут и его. Ведь совершенно очевидно: Дадли ожидает, что гордеца размажут по паркету. А мне, в сущности, нетрудно доставить ему это удовольствие. В отличие от «настоящего Гарри», я не питаю к кузену ничего плохого, да и под «охоту на Гарри» — ни разу не попадал. А вот беседы с ним частенько скрашивали нудные вечера... Так что, извини, Одиннадцатый, но тебя сегодня ждут некоторые неприятности.

— Боюсь, в данном случае не стоит говорить о смирении... — громко произнес отец Себастьян, обозначая, что обмануть его не удалось. – Но, так и быть... — А вот это уже серьезно. Видимо Одиннадцатый своей гордыней успел достать не только Дадли.

Инквизитор активировал защитный круг, и жестом пригласил нас войти в него. Делая шаг сквозь еще светившуюся защиту, ученик инквизиторов забормотал что-то на латыни, окутываясь золотистым сиянием. Вообще говоря, это не слишком честно, и в формальных дуэлях и спаррингах такое поведение отнюдь не приветствуется, о чем и свидетельствует слегка, почти незаметно искажившееся лицо отца Себастьяна. Похоже, Одиннадцатый только что как минимум удвоил причитающееся ему наказание.

Между тем, Свет Истинной Веры начал распространяться, стремясь занять весь защищенный круг. В отличие от большинства заклинаний, известных выпускникам Хогвартса, молитвы частенько начинают действовать не в момент завершения ритуала, а еще в самом начале... или даже тогда, когда священник только думает начать. Собственно, это и было одной из причин поражения магов в Войне Инквизиции. Это... и еще тот самый Свет Веры. Ведь сейчас Одиннадцатый защищен от большинства простейших заклинаний... Видимо, он рассчитывает лишиться меня магической силы, а потом – просто избить... Нет, пока что Свет не добрался до меня, а Адское пламя, или, скажем, Авада – проломят его далекую от совершенства защиту... Но те заклинания, что на это способны – гарантировано убьют мальчишку, чего не надо ни мне, ни отцу Себастьяну. В принципе, я могу пойти на поводу у соперника: итог рукопашной схватки я могу предсказать с высокой степенью достоверности... но зачем? И я начинаю чеканными фразами на высоком готике возносить хвалу Изменяющему пути. Невидимо для остальных Миа сразу залилась краской, поскольку готиком мы с ней успели немного позаниматься. И этого «немного» хватает для того, чтобы понять – этих слов бумага не выдержит, пусть даже она и не понимает всех деталей и нюансов. Теперь против золотистого света Добра встает темно-синее сияние Коварства и Знания. Нет, я догадываюсь, что в ситуации сферического вакуума Начавший начало может одолеть как бы не всю Четверку разом... Но вот Его прямого вмешательства я до сих пор как-то не наблюдал: в основном чудеса Церкви – это результат веры людей, эгрегор. Нет, соревноваться в вере с тем же отцом Себастьяном я бы не стал, просто потому, что не уверен в результате. Мальчишка же... Синее свечение сминает и оттесняет золотое. Одиннадцатый смотрит на меня в панике. Молитву он

тянет уже с явным трудом и запинаясь. В то же время частичный оборот слегка усиливает и ускоряет меня, и я прыгаю вперед. Удар!

— Стоп. Поединок закончен, — останавливает меня отец Себастьян, и я совершенно не склонен ему возражать.

Одиннадцатый корчится на паркетном полу. Его сияние погасло: тяжело читать молитву, и одновременно пытаться вспомнить, как надо дышать. Тяжелый удар в грудь частенько помогает против заковыристых магических комбинаций, особенно – основанных на произнесении вербальных формул.

Не сказать, чтобы победа над заведомо слабейшим противником наполняла меня гордостью. Тут изначально все было без шансов для Одиннадцатого. Так что я вопросительно склоняю голову в направлении отца Себастьяна. «Я достаточно «приземлил» мальчишек, решивших, что после года занятий – они готовы противостоять любому врагу?» Инквизитор кивает. «Достаточно. Больше не надо. Мне еще им боевой дух восстанавливать».

Так что я подхожу к Миа, предлагая ей свою руку. Девочка с несколько преувеличенной аристократичностью склоняет голову, соглашаясь, и мы покидаем зал под ошеломленными взглядами учеников дружески раскланиваясь с Двадцать первым.

<http://tl.rulate.ru/book/69518/1850305>